

Специфические формы выражения экспрессивной семантики в русских островных говорах Одесской области

Материалы диалектологических экспедиций Одесского национального университета им. И. И. Мечникова содержат ценные сведения о функционировании на территории Одесщины говоров русских переселенцев из центральных губерний России.

Своеобразие русских говоров Одесской области определяется во многом специфическим полиязычным окружением — украинским, болгарским, молдавским. Сложившиеся исторические, социально-экономические, культурно-бытовые связи, постоянные языковые контакты русских с украинцами, болгарами, молдаванами нашли яркое отражение в словарном составе русских островных говоров.

Большой запас информации о коренных самобытных носителях южнорусского наречия несут глагольные слова, — представители наиболее конструктивной части речи, обладающие наиболее емкой и гибкой структурой. Их способность экспрессивно и выразительно характеризовать лицо, предмет речи, выражать социальную оценку и эмоциональное состояние говорящего стала предметом нашего изучения.

В диалектной лексической системе “как бы сосредоточивается максимальный набор средств экспрессивного выражения, что легко подтверждают обширные синонимические ряды” [2:204], среди которых важное место занимают глаголы с семантикой **выпить вина, водки; напиться пьяным**: колкануть — запалить — скоблицуть — напáузиться — накосáриться — навэка́ться — набухáриться — накрáситься — понабуздáриться; **обмануть**: кандыбáчить — обсиминтировать — замунтаякать — общелдыкать; **тяжело работать**: магарить — магарничать — биться — башкара́ть — кандыбáчить.

Диалектоносители зачастую употребляют экспрессивные глаголы, имеющие формальный признак, лежащий на поверхности языковых фактов. В русских говорах Одесщины таким показателем экспрессивности является суффикс **-ану-**, выражающий значение “однократного, как правило, интенсивного или резкого, неожиданного действия”: **моргану́ть** *взять в жены* (Ён первый морганул дефку. Введенка), **секану́ть** *ударить чем-нибудь острым* (Другой рас секанеш в няе. Ст. Некрасовка), **хлебану́ть**, **хлыбану́ть** *напиться*, **кантану́ть** *контузить*, **тибану́ть** *выпить*, **дерану́ть** *украсть*, **бузану́ть** *сильно ударить*, **сергану́ть** *ударить плеткой*, **колкану́ть** *выпить вина, водки* и т.п. Подобные экспрессивы имеют и экспрессивное содержание и экспрессивную форму. Среди них преобладают словообразовательные глагольные транспозиции, часть из которых — это преобразованные украинские заимствования: **блыскану́ть** *сверкнуть* (ср. укр. блискати *сверкать*), **рухану́ть** *двинуть* (ср. укр. рухати *двигать*, рухнути *двинуть*). Модификации менее свойственны русским островным говорам Одесской области.

Глагольные экспрессивные суффиксы крайне редки. Сравним словообразовательные варианты семемы “бить кого-либо”: **лупáсить** (За што ж ты явó лупáсиш? Ст. Некрасовка), **лупáцкать** (в литературном языке нет глагольных образований с этим суффиксом) (Лупáцкали нас добре. Муравлевка) и однокоренное украинское заимствование **лушпáрить** (Ано́ тако́е растёт непаслу́шнае, што ево́ то́лько лушпáрить на́да. Ст. Некрасовка), где **-ас-** = **-ац-** = **-ар-**. Такие суффиксы непродуктивны и в литературном языке, и в диалектном.

Диалектным глаголам в целом не свойственны аффиксы, вносящие эмоциональную окраску. Семантически главным носителем качества и меры экспрессии в глагольных словах является основа, так как глагольный суффикс чаще всего нейтрален.

Пополнение экспрессивно-выразительного глагольного фонда в говорах русских переселенцев в основном осуществляется за счет глагольных лексем, образованных от экспрессивных слов без экспрессивных суффиксов. Такими единицами являются глаголы с метафорическими основами типа **га́диться** (прен.) *брезговать* (Ён га́дицца ёсть с этой миски. Вознесенка), **тря́пать** (през.) *пустословить*, **выцупиться** (насм.) *вырасти очень большим и глупым*.

Эта группа экспрессивов пополнилась глаголами, образованными от заимствованной из родственного болгарского языка метафорической основы **магар осел**: **магарить**, **магарничать**

тяжело работать (Магáрить на́да харашó, а то мёду ни б́удить. Ст. Некрасовка. Ну и ста́ла я магáрничать. Нов. Некрасовка), причём образование первой лексемы шло по аналогии с литературной моделью ишачить < ишак.

Связь между производящим и производным легко осознаётся говорящими. Метафорический образ появляется иногда в производном глаголе при возникновении дополнительных ассоциаций: *раскирпичиться рассердиться* (как кирпич красный — человек в гневе).

К образованию экспрессивных глагольных единиц — своеобразных словообразовательных метафор приводит свертывание словосочетаний: *мозголо́вить* (одоб.) *понимать, разбираться* (А э́тат са мнóй аста́лся, мазголо́вить дюжы. Нов. Некрасовка.), *стукву́лачиться* (неод.) *связываться с кем то, гордохва́тить* (неод.) *кричать, ухлома́нить* (презр.) *убить*. В говорах русских сел Одесщины экспрессивы с метафорическими основами немногочисленны.

Разнообразную и довольно большую группу составляют глагольные экспрессивы со связанными основами (корнями). Лексический мотиватор таких основ, реализующий экспрессивное содержание — это семантически опустошенные корни, уникальные по содержанию. Словообразовательные мотиваторы обеспечивают узнаваемость слова даже при крайнем положении лексических мотиваторов на шкале необычности: *нарекоше́тить* (неод.) *напроказничать, нахулиганить* (Нарекашетя́ть так вот, а патом ни знаю́ть што́ делать. Васильевка), *отпузы́рить* (ирон.) *отслужить, отработать* (Три года в гораде атпузырил. Сергеевка), *напруты́литься* (ирон.) *напудриться* (Аны как напрутылю́цца белой глиной. Антоновка), *выгвазда́ться* (ирон.) *испачкаться, напаузы́ться напиться, задв́биться* (ирон.) *поднять подол платья, оголиться, заматре́нить* (пренеб.) *соблазнить, кве́лдать* (пренеб.) *путать, запутывать, сбендежить* (неод.) *пустить налево, безл. разматре́нить* (ирон.) *разнежить*. Часто, рассматривая лексический мотиватор, мы не находим даже намека на его смысловое родство со своим производным. То есть его функция — это обеспечение семантической необычности. Основную же семантическую нагрузку несут аффиксы, придавая устойчивость лексическим единицам и поддерживая логическое и понятийное единство с нейтральным аналогом. Это происходит из-за разрыва первоначальных существующих связей, характеризующихся ассоциативным характером. Поэтому такие связи легко утрачиваются.

Ученые неоднократно обращали внимание на прямую связь между степенью коннотативной и экспрессивной выразительности слова и степенью проявления фонетического значения его звуковой формы. Способность мозга устанавливать условные связи между предметами или их действиями и сопровождающими их звуками является предпосылкой для возникновения необычного фонетического значения. Звук становится заместителем предмета или действия, его символом. Так как явления реального мира оценивает воспринимающий их человек, то свои оценки он переносит и на звуки, которые сопутствуют этим явлениям. Еще М. В. Ломоносов, описывая способность звуков речи вызывать определенные звуковые явления, отмечал: “Через сопряжение согласных твердых, мягких и плавных рождаются склады, к изображению сильных, великолепных, тупых, страшных, нежных и приятных вещей и действий пристойные” [3: §§172-173, с. 241].

Необычность звуковых форм, порождаемая звукоподражанием и звукосимволизмом, является одним из лексических показателей экспрессивности глаголов в говорах русских переселенцев Одесщины.

Приведем отдельные примеры: *жа́хнуть* (неод.) *выпить, жа́мкать* (презр.) *стирать небрежно, кое-как, хра́пнуть* (неод.) *ударить, буха́рить* (презр.) *пьянствовать, шва́лькать* (неод.) *тянуть что-либо, шала́ться* (презр.) *ходить, бродить без дела, шувбу́шкுவать* (неод.) *шуметь*. Говорящие, даже не зная значения указанных слов, ассоциативно связывают их с негативными эмоциями. Этому способствуют имеющиеся в звуковой форме “плохие” согласные *х, ж, ш*. С отрицательными явлениями или с их отрицательной оценкой связывают диалектоносители также слова с сочетаниями разных звуков с сонантом *р*. Иногда такие сочетания могут находиться еще и в окружении “плохого” гласного *у* или *ы* или неблагозвучного сочетания *нд*: *тры́нькать* (пренебр.) *расходовать, тры́ндеть* (пренебр.) *болтать, турбу́хаться* (ирон.) *тарахтеть, здри́снуть* (ирон.) *упасть, шлепнуться, гра́шкать* (пренебр.) *бить, ударять, карбу́каться* (презр.) *дергаться, скарду́читься* (неод.) *сгорбиться, согнуться, скуку́ржиться* (неод.) *скрутиться, согнуться*. Пополнилась эта группа экспрессивов и заимствованиями из украинского языка — своеобразными глагольными характеристиками различных психофизических действий человека: *пéтра́ть*

(пренебр.) *понимать, разбираться, чкурнѣть* (насм.) *удрать, чухмариться* (насм.) *чесаться*. Недаром В. В. Виноградов писал, что украинское просторечие и повествовательно-бытовые стили украинской народной словесности “в аспекте русской литературно-языковой словесности рассматриваются преимущественно как источник национально-характеристических красок” [1:381].

В русских говорах Одесщины весьма употребительны глагольные экспрессивы с архисемой «говорить», «есть, пить», «ходить», которые имеют в своей звуковой форме различные с звукоподражательные и звукосимволические сочетания: *буботать ворчать, бубукать бубнить, хухукать приговаривать, трахоматить болтать, трепать языком, белебениить болтать* (Што он там белебениить?), *лямкать жевать с беззубым ртом* (Я лямкаю, ды никак ни ражжюю. Введенка.), *жлѣкать жадно пить большими глотками, зажвѣкать закусить налегке, дяскать есть с аппетитом, мѣздать есть много и с жадностью; навѣкаться напиться пьяным, сербать хлебать похлебку, борщ и т.д., тюпать семенить ногами* (Юбка была узка и девка тюпала. Большое Плоское), *ломпать идти, с трудом перебирая ногами”, фихнуть убежать*.

Сравним также: *тякнуть ёкнуть, чкать долбить, ударить, клевать, тѣркать взбивать сметану, масло, гувькотать спать с клокотанием в горле*.

В исследуемых говорах немало глагольных экспрессивов с сочетанием тара- (тра-), которое ярко маркирует эти единицы, выделяя их из всего экспрессивного диалектного фонда: *тараконить говорить, разговаривать* (Их дочка тараконить пабалгарски. Мирное.), *тарабанить говорить попусту, болтать, тараточить быстро говорить, тарактѣть болтать, трахоматить болтать, трепать языком*. Как показывают примеры, слова с такими сочетаниями, как правило, входят в ЛСГ процесса говорения.

Необычность в звуковой форме экспрессивных глаголов наблюдается при наличии сочетания плохого согласного с “плохим” гласным у или ы: *нафурфѣниться, нафурфѣниться франтовато нарядиться, хухукать ругать*. В подобных образованиях усиливается ощущение необычности из-за повторения слогов с одним и тем же по артикуляции гласным, порождающим своеобразный сингармонизм.

Таким образом, диалектоносители умело используют “подходящую” символику звуков при оформлении понятия. Связь эта устойчива и взаимнообратна.

Особое место среди экспрессивных глаголов с разной степенью структурной членимости производной основы и семантической мотивированности занимают экспрессивы с архаичными префиксами *ко-* (алломорфы *ку-, ка-*), *че-* (алломорф *ч-*), унаследованными из индоевропейского языка. В говорах Одесщины такие единицы представлены достаточно разнообразно: *перековерзѣнить* (Я пака скажу, фсѣ перекаверзеню, Ст. Некрасовка.), *отчебучить, копѣжиться, чваландать, кубыркнуться, кабыкнуться*. Изучаемый материал показывает, что архаичные приставки — это значимые экспрессивные элементы. Их сущность — полнее выразить стремление языка к аффективности. Нужно отметить, что все диалектные приставки в говорах передают исключительно негативную оценку. Так, *перековерзѣнить* (насм.) “*перепутать*” (здесь наслоение приставок усиливает качество действия) — ср. с однокоренными просторечными *каверза, вверзиться; отчебучить* (ирон.) *отработать* ср. с функционирующим наравне однокоренным *отбучить заработать*, с укр. *вѣбуча повинность*. Аналогично наравне употребляются *валандать* и *чваландать* с одинаковой семантикой *слоняться без дела*.

Локальные *кубыркнуться* (пренебр.) *умереть* (Как там дет? Ище ни кубыркнулся? Ст. Некрасовка) и *кабыкнуться* (ирон.) *умереть* (Пил-пил, да и кабыкнулся. Спасское) высвечивают важные свойства архаичных экспрессивных приставок — их варьирование, воспроизводимость, сменяемость, взаимодействие между собой. Наблюдения показывают, что экспрессивные архаичные приставки модифицируют семантику производящего слова в плане экспрессии. Это свойство экспрессивных префиксов объясняет почти полную их синонимичность, взаимозаменяемость без какого-либо ущерба для семантики слова.

Неэкспрессивные приставки отличаются от экспрессивных своей продуктивностью. Исследуемый диалектный материал показывает, что архаичные приставки (особенно *ко-*) не мертвы. Несмотря на то, что говорящие не осознают архаичные префиксы как самостоятельные морфемы, и необходимость в реализации подобных экспрессивных приставочных глагольных моделей возникает случайно, в русских островных говорах Одесщины пополнение экспрессивного фонда происходит часто за счет таких образований: *заказябнуть* (насм.) *замерзнуть* — ср. с лит. *озябнуть, заябнуть; казѣбать* (насм.) *есть* — ср. с функционирующим наравне *позюбать*

(ирон.) *немного поесть*, укр. дзюб *клюв*, дзюбати *клевать*, *кля́мкать чавкать* - ср. с однокоренным *ля́мкать жевать беззубым ртом*.

М. П. Яценецкая отмечает, что “производных слов, характеризующих нетипичными семантическими... показателями, не так уж мало” [8:46].

Знание о мире, его индивидуальное видение русские переселенцы отразили в языковых единицах с формально не выраженной экспрессивностью. Форма таких экспрессивов нейтральна, экспрессивно в них лишь содержание. Образованы они путем метафорического переноса наименований. Такие единицы осознаются как экспрессивы, если между прямым и переносным значением ЛСВ одной лексемы формируются связи контрастного характера.

Насколько метафорический процесс субъективен, сколько в нем воображения и опыта “языковой личности”, обладающей своим личным лексиконом, ярко показывает диалектный материал. Зафиксированные в русских островных говорах Одесщины однокоренные глагольные метафоры отражают различные ассоциативные ощущения диалектоносителей, их личностную интерпретацию однородных фактов действительности: *набодать* (неод.) *избить* (Ст. Некрасовка) и *бодаться* (насм.) *ссориться* (Спасское). Аналогичный процесс фиксируют метафоры-омонимы *скрутиться забеспокоиться* (Вознесенка), *скрутиться очень сильно заболеть* (Ст. Нескрасовка). Субъективное отношение творца метафоры, как видно, проявляется в выборе вспомогательного объекта, который ассоциативно “характеризует положительную или отрицательную ценность обозначаемой реалии, а вместе с тем еще и “возвышает” либо же “принижает” ее в восприятии слушающего и вызывает у него одобрительную или неодобрительную эмотивную квалификацию” [7:41].

Диалектный материал русских сел Одесской области ярко высвечивает важную особенность экспрессивных глаголов метафор — антропоцентризм, выражающийся в соотносительности экспрессивов с человеком. Самая активная деятельность человека, осуществляемая и наблюдаемая повсеместно — это труд. В связи с этим в основе экспрессивных глаголов-метафор зачастую лежат глаголы, обозначающие трудовые процессы: *отбить отмучаться, работа* (Прарботала фею жизнь — атбила за фсеж. Большое Плоское), *оплести ударить* (Раза два ево апилила, ели чирис фортачку перилес. Ст. Некрасовка), *выгнуть отработать, скубать чистить картошку, истрепать избить, наминать есть, зажарить выгнать, запалить выгнать, напиться пьяным, стричь ругать, забивать угнетать, мучить*.

Менее многочисленна группа экспрессивов, в основе которых лежит сема «действие, производимое предметом»: *скрошиться сохнуть от старости* (Пришла пора и скрошилась старая. Б. Плоское), *кваситься делать что-либо медленно, обломаться стать уступчивее, мягче, скврежиться забеспокоиться, погнить умереть*.

Выделяется также группа глагольных экспрессивов со значением социальных и бытовых действий: *накраситься напиться допьяна, сигать хлопотать по хозяйству, выставиться обратить на себя внимание, отчепиться отстать, отвязаться, брить ругать, отчитывая*.

В меньшем количестве представлена группа “психофизиологические процессы”: *нюхаться дружить, опухнуть расплываться* и группа “действия, производимые животными”: *бодаться ссориться, браниться, вылупить родить, набодать избить*.

Несомненно, принадлежность слова в номинативном ЛСВ влияет на семантику его метафорического варианта. Анализ глагольных метафор показывает, что принцип осознания человеком себя как “меры всех вещей” способствует возникновению в сознании жителей Одесщины разнообразных способов помыслить одну сущность, как если бы она была подобна другой (олицетворение, одушевление, уподобление и т. д.).

Подводя итоги наблюдениям над глагольными экспрессивами, следует отметить, что описанные глагольные единицы русских островных говоров Одесщины отражают общую закономерность экспрессивно-выразительного фонда языка — преобладание слов с негативной оценочностью. Производные (мотивированные) глагольные экспрессивы составляют большинство среди зафиксированных экспрессивных глаголов. Их экспрессивность может быть мотивирована либо словообразовательно, либо семантически. Однако специфические аффиксы выражения экспрессивности у глагола единичны, так как роль формального средства выражения его экспрессивности — суффиксов — в сфере глаголов незначительна. Это компенсируется среди глагольных единиц специфическими основами. Изученный материал показывает, что уникальность, связанность глагольных основ, синестезия и звукоимитация, архаичность префик-

сов — формальні ознаки експресії (присущі переважно глаголу) — достатньо чітко фіксуються в глаголах мов українських переселенців Одещини. Іноязычне оточення українських островних мов Одещини сприяє появі в них великої кількості пестрих локалізмів. Заїмствования експресивних основ або цілих глаголів-експресивів з родичніх слов'янських — болгарського і українського мов — надійшли в експресивну систему мов і функціонують за її законами.

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка 17-19 веков. — М., 1982.
2. Коготкова Т. С. О стилистических категориях говора // Актуальные проблемы лексикологии. — Новосибирск, 1969. — Вып. II. — Ч. I.
3. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. — М. — Л., 1952. — Т. 7.
4. Словарь русских народных говоров. — Л., 1965-1985. — Т. 1-20.
5. Словарь украинского языка. Ред. Б. Д. Гринченко. — К., 1958.
6. Словник української мови: В 4 т. — К., 1970-1975.
7. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. — М., 1988.
8. Яценецкая М. Н. Семантические вопросы словообразования. — Томск, 1979.

УДК 81'234

Т. Ю. Ковалевська

Сугестивна комунікація в аспекті нейролінгвістичного програмування

Сучасне розуміння комунікативних процесів ґрунтується на усвідомленні цього феномену як комплексного явища, що містить не тільки інтерактивний обмін інформацією, а й усі психофізіологічні характеристики, властиві об'єктивній ментальній моделі учасників спілкування. Антропоцентрична скерованість комунікативної парадигми призводить до необхідності філософського усвідомлення глибинної архітекτονіки мови як «всесвітнього представлення присутнього» [20:270] та її актуалізацій у багатомірності загальнолюдських модусів мікро- та макрокосму буття. Останнє пов'язується з визнанням «троїстості культурного фону існування людини-природи, раціональності та ірраціональності» [12:28], де трансфер ірраціонального у вербальну площину виявлятиметься у глибинних кореляціях образно-міфологічного та сенсорного типів мислення, де під сенсорним розуміється «біоенергетичний спосіб обміну інформацією, коли людина нічого не каже і нічого не демонструє... але ж передає інформацію, і вона сприймається комунікантами» [6:37].

Зазначимо, що біосенсорний спосіб комунікації не вичерпується лише дистанційним впливом і виявляється в різноманітних вербалізованих текстах ауто- та гетеросугестії, що характеризуються активністю впливового компонента мовлення як константи інформаційного процесу, оскільки «будь-яке спілкування — це мовленнєвий вплив» [8:256], де «будь-який мовець впливає» [14:155]. Загальновизнаною особливістю таких текстів вважається їх нейропсихологічна скерованість до недомінантної півкулі головного мозку, пов'язаної з підсвідомістю та холистично-інтуїтивною орієнтацією в інформаційному процесі, де «права... півкуля подає синтезоване уявлення про простір. Ліва (мовленнева у більшості популяцій) аналізує час. Права півкуля відзначає візуальні тотожності, не торкаючись концептуальних. Ліва займається протилежним. Права півкуля сприймає форму, ліва — деталі. Права півкуля кодує сенсорну інформацію, що надходить іззовні, через образи, ліва — через лінгвістичний опис» [2:63].

Отже, можна твердити, що характерною особливістю у сприйнятті оточуючого універсуму правою півкулею головного мозку є пріоритет локальної ідентифікації, образно-емоційне кодування (з елементами перманентної алогічності, оскільки «логічне мислення розташоване зліва» [5:95]) і декодування інформації, яке ґрунтується на їх аудіально-візуальній маркованості.

Сугестивні тексти (СТ) як різновид комунікації з високим рівнем психоактивності складових елементів у такому разі можна вважати вербальним втіленням ірраціонального модусу мислення, оригінальність якого досягається «певним підбором слів та звукорядів, здатних впли-